

"Вы из леса?" — он меня не спрашивал,
сам же говорил, что он из города.
На губах не кусаных, не крашенных,
на его губах, улыбка гордая.
Не понять ему, что город маленький,
где собак полно, и все бездомные,
стянет с ножек старенькие валенки:
неудобно, мол, что те удобные.

Стая волков перелетных
хлопала крыльями в небе
и разрывала, как плеткой,
тучи хвостами. И снегом
рушились тучи на землю.
Волки летали и выли.
Что за крылатое племя,
что они в небе забыли?
Где перелетные волки
крылья себе отрастили?
В стае одни кривотолки,
да перелетные мили
Волки пролезли в иголки,
сшили дырявые тучи.
Эй, перелетные волки,
племя крылатое, сучье,
тучи оставьте в покое...
Я вдруг споткнулась о камень
и замахала рукою.
Нет, замахала руками.
Что-то мешало мне. Крылья?
Тяга к инстинктам животным?
Я оказалась посыльной
в небо, к волкам перелетным.

Гул трещин тектонической плиты

Видно, демон есть в квартире.
Что ни ночь, часа в четыре
сна пугающий обрыв.
Как нарыв, в груди созревший,
ноет сердце на разрыв.

Серый лекарь-повседневность
лечит боль, тоску и ревность,
все на свете заглушает,
в беспощадном милосердьи
жизнь, как плату, пожирает.

Вмощен в чащобу трамвайного чрева,
сжатый до хруста скелетного древа,
так, что в виске начинается стук,
так, будто взяли тебя "на испуг".

Непредсказанно рождается вдруг:

Какое странное пространство
случайных глаз голубизна,
манящий звук непостоянства,
как предрассветный отблеск сна...

Толчок, расцепка, остановка,
воздушность улицы вокруг
и драгоценная обновка —
бездонный взгляд бездонных рук.

И Вы исчезли торопливо.
Лишь девять спичек сиротливых,
лежащих в коробке на дне,
на память остаются мне.

Не надписан день и месяц,
даже год не обозначен,
этот маленький подарок
на мгновение предназначен.

В мимолетное пространство
протекали света блики
в облаках непостоянных,
золотые корабли.

Окна — глаза,
не смотрите вослед.
Окна — глаза,
не надейте бед.
Окна — глаза,
никому не скажите,
как ушел человек
в сумеречный рассвет.

Треть Пушкина,
чуть выше пупа,
бульвар осматривает тупо.

Или иначе

Бульвар. Начало.
Полу-Пушкин
соседствует с чугунной пушкой.
Сродство металла
еще не повод для романа.
И Пушкин к ней спиной стоит,
уныло на бульвар глядит.

Но если бы чугуннотвердый
металл бы мог заговорить,

тогда бы вытекло из горла:

— Мой памятник
нерукотворный...

Нож. Ножны
обнажены.
Нагой, наг.
И кожи голой
хвост пушистый —
до входа в вечность
только шаг.

Где лучше воле — в граде-неволе
иль в чистом поле, в поле на воле?
Ах, нету места во чистом поле,
маяться воле в граде-неволе,
маяться воле в цементной боли.

...лист осенний кружится.
Словно омут для него
маленькая лужица.
Рубчики на сердце,
омуты в душе.
Маленькая лужица
из
папье-маше.

Шедевр, ушедший в замшу шевроле,
бесшумность шин уносит в шепот ночи.
И возделение, закрывши очи,
когда крыло летучей мыши

бездомные ласкает крыши,
шуршит ближайшею душой.

Гул трещин тектонической плиты,
молчащая фальшивость флейты...

Вдали есть, кажется, пролив Па-де-Кале
и танец сладкий Ситт-Зюбейды.

На пирсе раннею весной
стоим. Устав от непогоды,
холодной мерною волной
свободно дышат воды.

На море близкий горизонт
набросил свой лиловый зонт.

Немного зябко, четверть луны,
и тени неodeвших ветвей
меняют чуть свои черты...

— Мне грустно, — прошептала ты.

Меж исполкомов, гор- и рай-,
протекает жизнь бульвара.
На скамейке сидит пара,
катят в роликах девчонки,
рюкзаки и две юбочки.
И такая благодать...
Видно, это —
просто лето,
или то, что жду я Вас.

Дивная Дева,
девное диво...
Кой вам эпитет —
прекрасно ль, красиво,
кой Вам эпитет?
Скажите, не знаю.
Зачарованно слова повторяю:
дивная Дева,
девное диво...
Г р о з н о е

д и в о.

И елям в платьях подвенечных
едва ли мнится зов предвечный,
что обнаженный ствол ноги
крестом обует сапоги.
Иголки — тело,
древ скелета —
примета будущего лета.

Память и сердце выплеснут,
вырвется
в точно-неточных словах
все то, что брызжет
и что сейчас мыслится
в наших хмельных головах.

Память, о, память,
меня ты не мучь
тайной непонятых снов.
Память и сердце —
матрица-ключ
смысла сновидимых слов.

